

**Отзыв официального оппонента,
доктора искусствоведения Некрасовой И.А.
на диссертацию Ефремовой Надежды Георгиевны
«Драматургия Симеона Полоцкого и школьный театр
в России конца XVII – начала XVIII вв.:
предпосылки, истоки и первые опыты»,
представленной на соискание ученой степени
кандидата искусствоведения
по специальности 17.00.01 – Театральное искусство**

Представленное к защите диссертационное исследование Н.Г. Ефремовой является результатом весьма серьезных изысканий в области русской и славянских театральных культур XVII столетия и обладает бесспорной научной новизной. Актуальность работы обусловлена необходимостью восполнения пробелов в нашем знании о путях становления отечественного театрального искусства в самый ранний период, о трудностях его утверждения в национальном сознании, о перерастании «паратеатральных» форм в собственно сценические.

Драма и театр, находившееся во времена царя Алексея Михайловича в процессе зарождения и начальных опытов, рассматриваются диссертанткой в широком европейском контекстуальном поле. Поместив в центр своей работы две духовные пьесы Симеона Полоцкого, которые неоднократно анализировались филологами и театроведами конца XIX – начала XXI вв., Н.Г. Ефремова рассмотрела их в новом ракурсе, дополнила целым рядом малоизвестных произведений («декламаций»), изучила их генезис и условия создания и воплощения, соотнесла с трехвековой историей западно- и восточноевропейского школьного театра и выстроила таким образом научное сочинение объемом в 400 страниц (без учета списка литературы). Оно обладает всеми качествами современного исследования, свободно оперирующего данными светского и религиозного искусства, истории, поэзии,

философии. Отдельно нужно отметить языковую подготовку диссертантки, блестящее освоение ею источников на многих славянских наречиях, включая, например, старобелорусский.

Сама работа написана поразительно богатым языком, насыщенным славянизмами и церковной терминологией, что нисколько не вредит его научности, напротив, придает соответствующую лексическую окраску.

Исследование Н.Г. Ефремовой содержит значимый элемент дискуссионности: оспорен устоявшийся взгляд на Симеона Полоцкого как прямого основателя школьного театра в Москве; диссертантка воссоздает более сложную картину проникновения к нам западных традиций школьных представлений, при этом показывая, что в декламационной поэзии и драматургии Симеона школьные религиозно-зрелищные формы получили особое преломление. Она приходит к выводу, что «драматургическое творчество Симеона Полоцкого не заложило традиции московского школьного театра, но явилось одной из предпосылок его создания в эпоху петровского правления» (автореферат, с. 17).

Кроме того, Н.Г. Ефремова вносит коррективы в датировки изучаемых произведений, выдвигает убедительные гипотезы об их исполнении. Она указывает на необходимость создания новых трудов по истории русского школьного театра на современном научном фундаменте, что определяет перспективы дальнейшего изучения темы.

Исследование состоит из введения, пяти глав, заключения и списка литературы.

Первая глава называется «Истоки русского школьного театра: между Западной Европой и Речью Посполитой» и содержит развернутый обзор основных тенденций школьного театра – то есть театра церковных учебных заведений в странах Европы, особенно в Польше, Литве, Украине. Основное внимание уделено теоретическим аспектам, прежде всего школьным

«поэтикам», что вполне обосновано, а среди них таким, которые, по мнению автора диссертации, отразились в начальных опытах русскоязычной драматургии. Отмечу, что в работе содержится немало сведений о ранней поре школьного образования в польских, литовских, украинских и белорусских землях (говорится также о безуспешных попытках Симеона открыть школу в Москве), без чего невозможно понять и специфику школьной сценической практики и драматургии.

Вторая глава, «Декламации Симеона Полоцкого как прототеатральное речевое действие» занимает почти 180 страниц (соизмеримо с привычной кандидатской диссертацией!) и является, на мой взгляд, самой сложной по составу и методологии исследования. Она посвящена риторическому жанру декламации в наследии Симеона Полоцкого, однако «декламации» анализируются как «речевые действия», «обладающие начальными приметам театральности» и по-разному связанные со школьным театром. Именно здесь Н.Г. Ефремова выступает как первооткрыватель, настаивая на значимости публичного исполнения монологов и диалогов поэта, анализируя ранее не изученные и не публиковавшиеся тексты. Симеон, пишет она, «раздвигает пространство для звучащего слова» (с. 83), в его декламациях можно проследить постоянные смены соотношения слова и зрелища (с. 84), не менее важно взаимодействие речи и пения.

Большое место уделено научной атрибуции текстов декламаций, отнесению их к виленскому, полоцкому или московскому периоду деятельности поэта. Диссертантка выдвигает собственные принципы классификации этих произведений, выделяя «оказиональные», «паралитургические» декламации, «школьные диалоги» виленского и полоцкого периодов и – особо – «московские декламации», созданные Симеоном в статусе придворного поэта и обусловленные русским придворным церемониалом. «Беседы пастушеские» и «Вирши в великий

Пяток при выносе плащаницы» (на польском языке), «первый опыт школьного драматурга» (с. 224), анализируются диссертанткой как «театральные диалоги» в комплексе драматургических сочинений Симеона Полоцкого.

Третья глава сосредоточена на изучении собственно драматургических новаций Симеона Полоцкого. Ее основной материал – «“О Навходоносоре царе, о теле злате и о триех отроцех, в печи не сожженных” – первая русская поэтическая драма для придворного театра». Здесь рассматривается и творческая биография поэта, его путь из Речи Посполитой в Московскую Русь.

В этой главе диссертантка выстраивает неожиданную оппозицию Симеона Полоцкого деятелям «Комедийной хоромины» во главе с И.Г. Грегори, акцентируя (быть может, слишком дерзко) «немецкое» и «протестантское» начало (с. 301 и др.) в опытах первых комедиантов-любителей при русском дворе, в частности, в «Артаксерксовом действе», общепризнанной первой пьесе, прозвучавшей со сцены по-русски и в стихах.

Весьма убедительны проведенные в главе сопряжения драмы Симеона, с одной стороны – с «правильной» школьной трагедией в дефинициях поэтики М.К. Сарбевского, с другой – с православным «пещным действием», а также доводы в пользу возможной постановки этого произведения при дворе Алексея Михайловича и даты (январь 1674 г.), гипотеза об исполнителях (не комедиантах «первого призыва», а церковных певчих и учениках-любителях).

Четвертая глава посвящена самой известной пьесе Симеона Полоцкого, написанной на популярный в школьном театре сюжет о блудном сыне: «Первая русская школьная комедия». Пьеса проанализирована очень подробно, изучены ее источники, драматургическая и сценическая специфика, история рукописей и публикаций, а также переключки с современной автору действительностью.

Диссертантка выдвигает здесь несколько важных гипотез, относящихся ко времени, составу исполнителей, заказчикам и месту исполнения пьесы

Симеона Полоцкого «Комедия притчи о блудном сыне». По утверждению Н.Г. Ефремовой, эта пьеса, в отличие от первой («О Навходоносоре...»), могла быть исполнена не при дворе, а на частной сцене, в доме некоего просвещенного вельможи около 1676 г. (с. 340). «Комедия» определяется также как «образцовая», написанная с учебно-просветительскими целями, уникальная в таком качестве для своего времени.

Пятая глава обращает нас к «первым опытам» школьного театра в начальное время царствования Петра Алексеевича. Изучается и реконструируется постановка пьесы «Ужасная измена сластолюбивого жития» (1701 г.) на тему притчи о богаче и Лазаре (имеющей богатые сценические традиции в западноевропейском театре, и мистериальном, и школьном). Произведение анонимного автора, которого диссертантка с полным основанием причисляет к первым профессиональным учителям, прибывшим по велению Петра в Москву из Киево-Могиланского коллегиума, проанализировано как самое раннее театральное представление, исполненное в Славяно-греко-латинской академии, т. е. школьный спектакль.

В заключении подводятся основные итоги проделанной работы.

Лично меня эта диссертация побудила не только заново прочесть тексты не самого близкого мне автора – Симеона Полоцкого (и те, что вокруг него), но и вернуться к некоторым вопросам истории школьного театра, которым я занималась на западном материале, даже, возможно, что-то пересмотреть.

Вместе с тем я обнаружила в ней суждения, с которыми согласиться не могу. Подчеркну при этом, что мои возражения относятся главным образом к истории западноевропейского театра и драмы, то есть к тому, что в данной работе составляет контекст и фон, а не основное содержание.

Мне представляется, что стремление автора работы охватить всю историю школьного театра, западную и восточную, привело в некоторых

случаях к слишком большим обобщениям, которые можно оспорить. Так, утверждение со с. 31, что западноевропейская школьная драма и театр были на протяжении всей своей истории только латиноязычными, неверно, так как известно немалое количество пьес на живых языках, не только в немецких протестантских школах, но и у испанцев и французов, даже у иезуитов. На с. 44 сказано, что «новая латинская драма в начальный период реформаторского движения избегала инсценировок библейских историй», хотя именно в первой половине XVI в. библейских пьес было особенно много – например, трагедия «Иеффай» Д. Бьюкенена или многочисленные драмы об Иосифе. Утверждение на с. 47, что «разночтения в устройстве сценических площадок школьного театра западноевропейских стран несущественны, как несущественны различия в композиции пьес на сюжеты священной истории, евангельских притч и священной истории», выглядит слишком большим обобщением. Стоит обратиться к фактам и станет понятно, что уже к рубежу XVI-XVII вв. в разных школьных традициях сложились разные типы устройства сцены (чаще временной), а также различные типы драм, ориентированные на паллиату, на древнегреческую трагедию, на моралите и др.

В главах 1 и 4 автор обращается к известному произведению интернационального школьного театра – комедии «Аколаст» 1529 г., почему-то именуя ее автора Фуллером (с. 41, 313 и др.), хотя он прославился под латинизированным именем Вильгельм (а не Гильхельм) Гнафей, по-нидерландски – Виллем де Волдер. Его «священная комедия», один из признанных источников Симеона Полоцкого, интерпретирована в работе не вполне точно. В ней принципиально важны, во-первых, теренцианские мотивы и язык, вообще ориентация на паллиату (даже блудница названа на античный манер Лаидой), а в содержании, которое увиделось диссертантке «вне вероисповедальных пристрастий» (с. 314), на самом деле отражен спор Эразма с Лютером о свободе воли и проведена лютеранская точка зрения. Не

стану разворачивать подробности, в данном случае не существенные, но все же упомяну две статьи на эту тему, в том числе свою¹. В связи с историей сюжета можно было бы еще вспомнить самую раннюю из версий – немецкого «Блудного сына» Б. Вальдуса из Риги 1527 г. И В. Гнафей, и Г. Макропедий – основоположники школьного театра, значение которых у нас недооценено.

Кроме этого, отмечу еще один пассаж, с которым я не могу согласиться, – в работе он звучит мимоходом, но тем не менее важен. Во введении, на с. 15 с долей осуждения сказано о В.Н. Всеволодском-Гернгроссе, что его «интересует не содержание драмы, а вещество театра», что его «исследовательская мысль движется по инерции...» и он занимается не проблематикой пьес Симеона, а их сценическими свойствами. Но ведь речь идет о работе, принадлежащей временам становления театроведения, когда внимание ученых гвоздевской школы было программно нацелено именно на анализ спектакля, в соответствии с новыми идеями М. Германа. И этой же связи в главе 5 (с. 354) правильнее было бы говорить о «театроведческой», а не «исторической» реконструкции (спектакля).

Из формальностей: целый ряд иностранных научных публикаций (на немецком языке), на которые автор ссылается в тексте (сноски на с. 35, с. 58, с. 364, две на с. 374, с. 389), а также разбираемые латинские школьные пьесы (со ссылками на издания) почему-то не обнаруживаются в списке использованной литературы. Список, куда попали только две иноязычных работы, выглядит поэтому менее весомо, чем должен.

Все высказанные замечания не принципиальны и не влияют на общую высокую оценку выполненного Н.Г. Ефремовой исследования.

¹ Численко, Н. Д. «Комидия притчи о блудном сыне» Симеона Полоцкого и позднеренессансная драматургия // Вестник ЛГУ. 1989. Сер. 2. История, языкознание, литературоведение. Вып. 1. С. 34-41; Некрасова И.А. Похождения «Блудного сына» на театральных подмостках XVI столетия // Ярославский педагогический вестник. 2013. № 2. Т. 1. (Гуманитарные науки). С. 206-212.

Считаю, что оно должна быть издано отдельной книгой – в дополнение к уже опубликованным диссертанткой журнальным статьям, каждая из которых раскрывает один из исследовательских сюжетов.

Некорректных заимствований в тексте не имеется.

Автореферат полностью отражает структуру и содержание диссертации. Публикации, выполненные Н.Г. Ефремовой самостоятельно, отвечают всем требованиям ВАК и представляют основные результаты ее научного исследования в достаточной и адекватной мере.

Считаю, что исследование Надежды Георгиевны Ефремовой «Драматургия Симеона Полоцкого и школьный театр в России конца XVII – начала XVIII вв.: предпосылки, истоки и первые опыты» является самостоятельным, оригинальным, законченным научным исследованием, соответствует всем критериям, которые установлены п. 9-14 «Положения о порядке присуждения ученых степеней» № 842, утвержденного постановлением Правительства РФ от 24 сентября 2013 г., а его автор заслуживает присуждения искомой ученой степени кандидата искусствоведения по специальности 17.00.01 – Театральное искусство.

Официальный оппонент
Некрасова Инна Анатольевна
доктор искусствоведения,
профессор кафедры зарубежного искусства
Российского государственного института
сценических искусств (РГИСИ)
191028 г. Санкт-Петербург, Моховая ул.,
д. 34 , тел. +7 (812) 273 15 81.
e-mail: nekrassova-inna@mail.ru

Санкт-Петербург,
28 октября 2019 г.



Подпись	<i>И. А. Некрасова</i>
удостоверяю	
Начальник Управления кадров	
А.С. Бровко	<i>А.С. Бровко</i>
«28»	10 2019 г.